

КАЛИФОРНИЙСКИЙ ТРИПТИХ

«ДИКИЙ БЕРЕГ»

«ЗОЛОТОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ»

«У КРОМКИ ОКЕАНА»

Kim Stanley Robinson

The Wild Shore: Three Californias

Ким Стэнли Робинсон

ДИКИЙ
БЕРЕГ

МОСКВА 2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
P58

Kim Stanley Robinson

THE WILD SHORE: THREE CALIFORNIAS
(WILD SHORE TRIPTYCH)

Copyright © 1984 by Kim Stanley Robinson

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *Н. Плутахина*

Робинсон, Ким Стэнли.

P58 Дикий берег / Ким Стэнли Робинсон ; [пер. с англ. Е. М. Доброхотовой-Майковой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 432 с.

ISBN 978-5-04-094785-0

2047 год. Началась и закончилась ядерная война. США лежат в развалинах, в которых царствуют койоты. Страны-победители установили карантин — японские корабли патрулируют побережье, а спутники — небо.

Жители калифорнийского городка Сан-Онофре забыли о прошлом, ведут примитивное натуральное хозяйство и изредка меняются товарами с соседними общинами.

Хэнк Флетчер же мечтает о том мире, который был навсегда уничтожен войной. Именно его мечтам суждено сыграть главную роль в деле возрождения Америки.

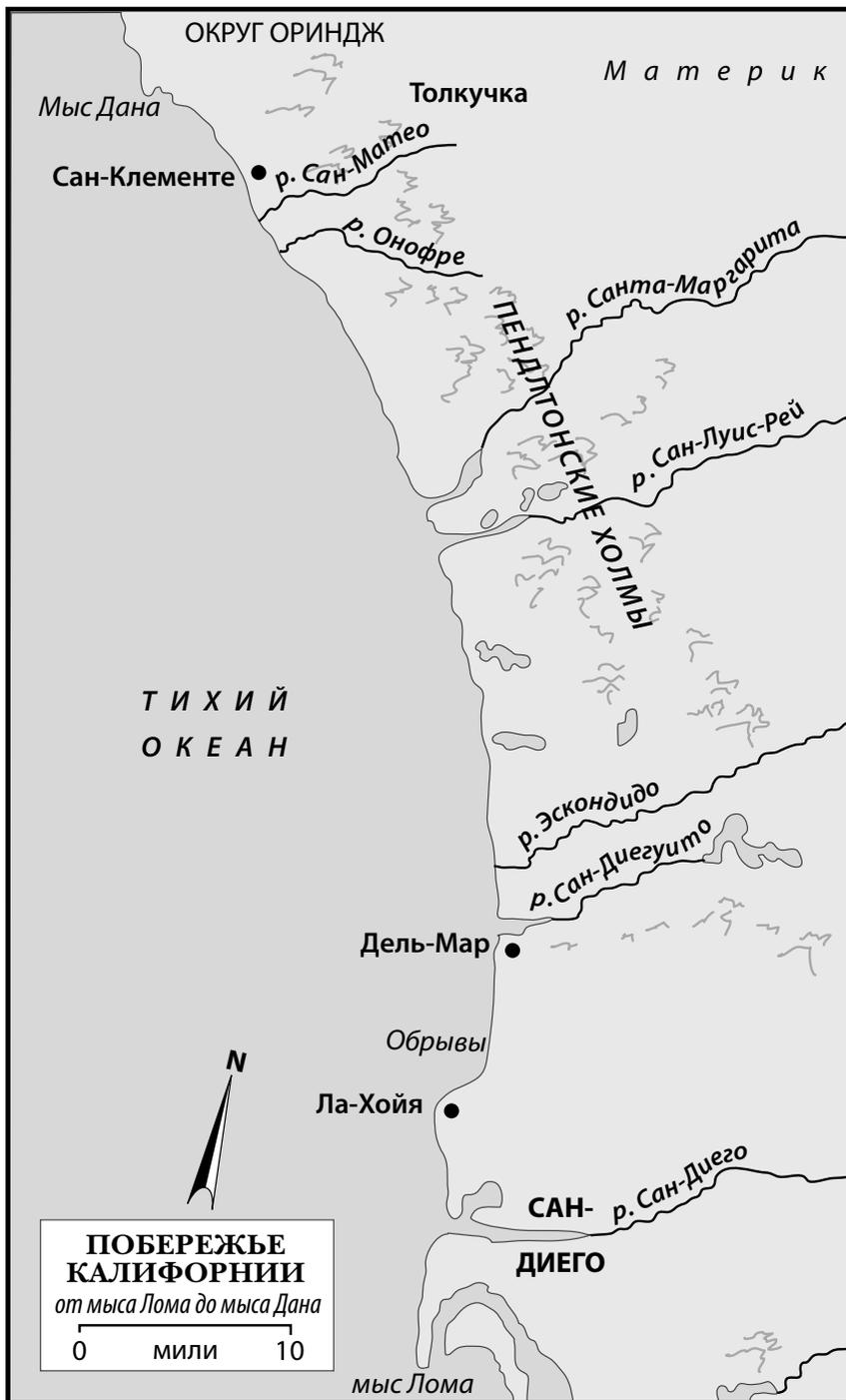
УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

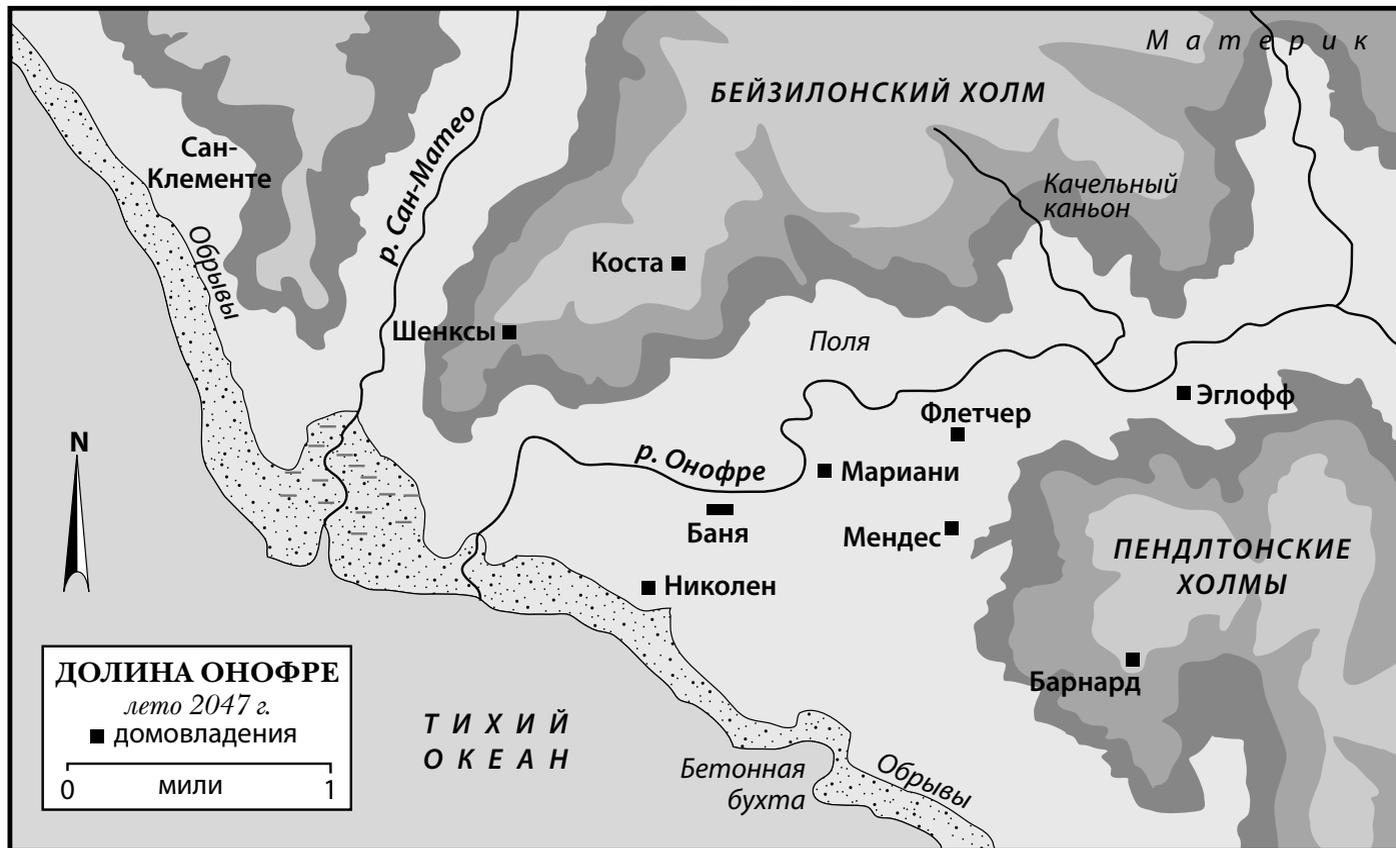
ISBN 978-5-04-094785-0

© Доброхотова-Майкова Е., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ДИКИЙ БЕРЕГ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

САН-ОНОФРЕ

— Мы же не ворье кладбищенское, — объяснил Николен. — Только выкопаем гроб и снимем с крышки серебро. Открывать не будем, тихо-мирно зароем обратно. Чего тут плохого? Так и так эти серебряные ручки зазря пропадают под землей.

Мы все пятеро задумались. Садящееся солнце заливало нашу долину янтарным светом, тени от куч плавника на широком песчаном пляже дотягивались до валунов у подножия обрыва, на котором мы сидели. Каждое переплетение отполированных морем коряг могло оказаться могильным холмиком. Я представил, как разгребаю грязь и что нахожу внизу...

Габби Мендес бросил камешком в пролетавшую чайку.

— Ну и чем это лучше кладбищенских воров? — спросил он Николена.

— Кладбищенский вор оскверняет само тело. — Николен подмигнул мне. В подобных делах мы всегда действуем на пару. — А мы ничего такого не будем. Искать запонки или пряжки, снимать кольца или там золотые зубы рвать — нет!

— Фу! — сказала Кристин Мариани.

Мы сидели на обрыве над устьем реки: Стив Николен и Габби, Кристин и Мандо Коста, Дел Симпсон и я — старые друзья, выросли вместе, здесь, на этом месте, собирались почти каждый вечер, спорили, говорили, строили воздушные замки... впрочем, воздушные замки — это по

нашей с Николеном части. Под нами, у первой излучины реки, сушились перевернутые рыбацьи лодки. Приятно было сидеть на теплом песке с друзьями, глядеть, как играет солнце на гребнях волн, и знать, что дневная работа закончена.

— Накопаем серебра — станем королями толкучки, — продолжал Николен. — И королевами, — добавил он, глядя на Кристин. — Захотим, так все купим. А захотим, двинем вдоль побережья. Или через материк. И вообще, будем делать что вздумается.

«А не то, что тебе отец велит», — подумал я. Однако, сказать по правде, слова его меня завели.

— А как узнать, на каком гробе серебряные ручки? — спросил все еще не убежденный Габби. — Чтобы зря не копать.

— Ты бы слышал, что старик говорил про тогдашние похороны, — ухмыльнулся Николен. — Генри, расскажи им.

— Они тогда жуть как боялись смерти, — сообщил я тоном знатока. — Поэтому и устраивали пышные похороны, не хотели думать, как там все на самом деле. Том говорит, на похороны тратили до пяти тысяч *долларов*.

Стив одобрительно кивнул:

— Он говорит, каждый гроб обивали серебром.

— Он еще говорит, мол, люди по Луне ходили, — заметил Габби. — Только я не полечу туда следы искать.

Но я почти убедил его; он знал, что Том Барнард, который учил нас (Стива, Мандо и меня так уж точно) грамоте, начнет расписывать старинную роскошь во всех подробностях, только попроси.

— Всего-то делов — дойти по бетонке до развалин, — продолжал Николен, — и найти богатый могильный камень.

— Том не велит туда ходить, — напомнила Кристин.

Николен запрокинул голову и рассмеялся.

— Том просто боится, — объявил он, потом добавил уже серьезнее. — Это понятно, после всего что он пере-

жил. Но там никого нет, кроме помоечных крыс, да и те ночью спят.

Он не мог знать наверняка, мы там не были, ни днем ни ночью. Однако, прежде чем Габби успел на это указать, Мандо вскрикнул:

— Ночью?

— А то! — громко ответил Николен.

— Говорят, мусорщики, если поймают, обязательно съедят, — сказала Кристин.

— Твой отец позволит тебе уйти от больных или с огорода днем? — спросил Николен у Мандо. — Ну и у нас такая же история, только хуже. Копать придется ночью. — Он понизил голос: — Тем более ночь — самое время раскапывать могилы на кладбище.

Он рассмеялся, глядя на испуганную физиономию Мандо.

— Раскапывать могилы на берегу можно в любое время, — сказал я как бы про себя.

— Я могу достать лопаты, — сказал Дел.

— А я — принести фонарь, — подхватил Мандо. Он торопился показать, что не боится.

И вот мы уже сидим и составляем план. Я выпрямился и стал слушать внимательней. Вообще-то я немного удивился. Мы с Николеном и раньше много чего задумывали: поймать в западню тигра, или поискать затонувшие сокровища возле бетонного рифа, или выплавить серебро из железнодорожных рельсов. Но когда начинали обсуждать, рано или поздно обнаруживались какие-нибудь практические сложности, так что все это был просто треп. Однако теперешний замысел требовал от нас просто-напросто пробраться в развалины (а мы всегда божились, что только об этом и мечтаем) и раскопать могилу. Мы обсудили, в какую ночь мусорщиков почти наверняка не будет на кладбище (в полнолуние, заверил Николен Мандо, когда видны привидения), кого нам взять с собой и от кого таиться, как порубить сере-

бряные ручки на куски, чтобы годились на обмен, и все такое.

Красный солнечный диск коснулся океана, похолодало. Габби встал, потер зад и сказал, что на ужин у них дичь. Мы тоже встали.

— А что, ведь сделаем, — решительно сказал Николен. — И я, черт возьми, готов.

Я откололся от остальных и пошел по краю обрыва. На пляже внизу отливные озерца поблескивали темным серебром. У каждого была красная каемка — маленькие подобия огромного океана за ними. По другую сторону от меня извивалась меж подступающих к морю холмов долина, наша долина. Деревья на холмах качали ветками под вечерним бризом, поздняя весенняя зелень в свете заходящего солнца казалась пожухлой. На многие мили вдоль берега ели, пихты и сосны колыхались, словно волосы огромного живого существа. Я шел, ветер колыхал и мои волосы. На изрезанных оврагами склонах не угадывалось никаких следов человека (хотя люди там были); только деревья — высокие и низкие, секвойи, сосны, эвкалипты — да темные холмы, спускающиеся к океану. Я шел по янтарному краю обрыва, и я был счастлив. Мне и в голову не приходило, что мы с друзьями вступаем в лето, которое... которое переменит нас всех. Сейчас, несколько месяцев спустя, когда я пишу об этом, а на дворе лютует зима, какой на моей памяти еще не было, у меня есть преимущество: я знаю, чем все кончилось, — все, что началось с нашей вылазки за серебром. И дело не столько в том, что после этого случилось, сколько в том, чего не случилось, в том, как мы обманулись. И в том, к чему почувствовали вкус. Понимаете, я изголодался: не в смысле — хотел есть (это всегда), но по другой жизни. Мне надоело только ловить рыбу, рубить дрова и проверять силки. А Николен изголодался еще сильнее.

Однако я забегаю вперед. Когда я шагал по крутому обрыву между лесом и морем, у меня не было ни пред-

чувствий, ни опасений, ни желания прислушаться к советам старика — только радостное волнение. Я свернул на южную дорогу к нашей с отцом хижине. Запах сосновой смолы и соли щекотал ноздри. Я захмелел от голода и волнения и уже воображал куски серебра размером с дюжину десятицентовиков. Мне пришло в голову, что мы с друзьями наконец-то сделаем то, что много раз хвастливо обещали сделать, — и по телу у меня пробежала приятная дрожь. Я перепрыгивал с корня на корень и думал: мы вторгаемся на территорию мусорщиков, проникаем на север в развалины округа Ориндж.

В ночь, которую мы выбрали для похода, с океана тянуло туманом, белесые клочья призрачно отсвечивали под ущербной луной. Я ждал в хижине, у самой двери, слушая, как храпит отец. Час назад он заснул под мое чтение и теперь лежал на боку, положив мозолистую руку на вмятину возле уха. Отец у меня хромой и не шибко быстро соображает — это его лошадь покалечила, я тогда был еще маленький. Мама, пока была жива, всегда читала ему перед сном, а когда умерла, он послал меня к Тому учиться. «Будет нам обоим на пользу», — сказал он, по обыкновению, с растяжкой. И похоже, не ошибся.

Я грел руки над потухшими углями, потому что дверь оставил приоткрытой и с улицы тянуло холодом. Снаружи большие эвкалипты у дороги качались на ветру, то появляясь в дверной щели, то исчезая. Раз я увидел, что кто-то под ними стоит, но тут в дом вплыл клоч влажного тумана. Он принес запах речной сырости, а когда рассеялся, под деревьями уже никого не было. Мне стало не по себе. Скорее бы ребята пришли. Слышался только отцов храп, да еще капало с деревьев на крышу.

«У-уху, у-уху». Оказывается, я задремал, и Николен разбудил меня своим кличем. Очень похоже на большую ущельную сову, только совы кричат раз-два в году, так что, по-моему, для тайного зова это не очень. Впрочем,